

Рачевский Станислав Григорьевич (St. G. Rachewski), кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионального развития работников образования ГУО «Брестский областной институт развития образования» (*Брест, Республика Беларусь*) (*Brest, Republic of Belarus*); kafedra.boiro@yandex.ru

Годуйко Людмила Алексеевна (L. A. Goduiko), кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Брестского государственного университета (*Брест, Беларусь*) (*Brest, Belarus*); god_lusi@mail.ru

ДИАЛОГ ФИЛОЛОГОВ: Ф. ТЮТЧЕВ И М. БОГДАНОВИЧ – ПОЭТЫ «КОСМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

Аннотация. В статье – в форме диалога соавторов и с применением компаративистского подхода – рассматривается тема неисчерпаемости мироздания, выражения космического и земного в поэзии Ф. Тютчева и М. Богдановича.

Ключевые слова: Тютчев, Богданович, поэт, лирика, человек, космос, Вселенная, земля, природа, ночь.

DIALOGUE OF PHILOLOGISTS: F. TYUTCHEV AND M. BOGDANOVICH – THE POETS OF «COSMIC THOUGHT»

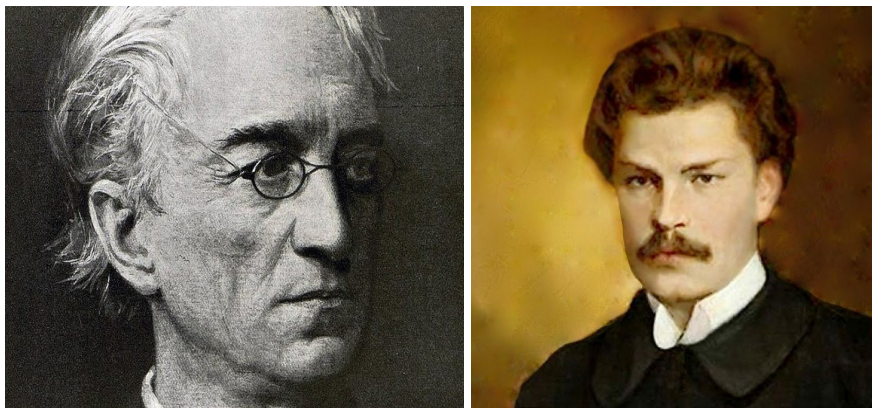
Annotation. In the article – in the form of a dialogue between the co-authors and with the use of a comparative approach – the theme of the inexhaustibility of the universe, the expression of the cosmic and the earthly in the poetry of F. Tyutchev and M. Bogdanovich is considered.

Keywords: Tyutchev, Bogdanovich, poet, lyrics, man, space, Universe, earth, nature, night.

Л. А. Годуйко (далее – Л. Г.). Федор Тютчев и Максим Богданович... Корректно ли, что, избрав такую тему, мы соединили две несопоставимые творческие личности и две эпохи? Тютчев родился в самом начале XIX в., прожил более 70 лет, стал достойным представителем философской поэзии в русской литературе. Этого автора, например, Н. Добролюбов ценил как выразителя «знойной страстности» и «суровой энергии», глубокой думы об общественной жизни. М. Богданович же родился через 18 лет после того, как не стало Тютчева, прожил всего 26 лет, мелькнув метеоритом на поэтическом небосклоне. Правда, за короткую жизнь оставил ярчайший след в белорусской литературе, внёс вклад в становление белорусского литературного языка, успел проявить себя в прозе, публицистике, литературной критике, переводах...

С. Г. Рачевский (далее – С. Р.). На первый взгляд, вроде и несопоставимы два этих имени; несхожесть возраста, жизненного и

творческого опыта видна даже из визуального соседства: на снимке последних лет жизни Ф. И. Тютчев – много переживший стареющий человек с редкими поседевшими волосами, рассеянным взглядом и с лёгким намеком иронии на устах; на одной из последних фотографий М. А. Богданович – молодой мужчина с густой тёмно-каштановой шевелюрой и спокойным, сосредоточенным взглядом.

Но возможность сопоставления даёт нам сегодня компаративистика – сравнительное изучение жанров, стилей, направлений и произведений разных эпох и в разных национальных литературах. Важно, чтобы для этого находились аргументы.

Л. Г. Тогда почему бы не начать с синхронного рассмотрения двух периодов: раннего творчества Ф. Тютчева и поэтического десятилетия М. Богдановича, которое он успел завершить единственным сборником стихов «Венок». Предлагаю сопоставить тематику произведений двух авторов, которая часто – естественное созвучие в художественном творчестве.

С самого начала поэтического пути Тютчев проявил склонность к лирике философской, к осмыслению сути человеческого бытия, к собственному художественному рассмотрению проблем жизни и её течения во времени и пространстве:

*Увы, что нашего незнанья
И беспомощней, и грустней?
Кто смеет молвить: до свиданья,
Чрез бездну двух или трёх дней?*
(1854)

*И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу...*
(1865)

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поёт, что море,
И роищет мыслящий тростник?*
(1865)

Эти и многие другие философские творения раннего Тютчева – отзвук прочитанного у Паскаля и Руссо, которые, как полагают исследователи его жизни и творчества [5, с. 7], с юности оставили неизгладимый след в сознании поэта. Его художественным достижением считаются любовная лирика и воспетые поэтическим слогом картины природы. У Тютчева – неиссякаемое внимание к жизни *воды*, которая у него – любимая природная стихия, мирозидательная сила. А ещё его называли поэтом ночи, влекомым тёмным, таинственным, ночным.

С. Р. Вторю Вам. Как натура размышляющая, в своей поэзии состоялся и Богданович: он успел заглянуть, подчёркивает О. Лойко, в любые проявления жизни – в высокое и низкое, героическое и трагическое, в самые острые повседневные и вечные темы, стал поэтом «кусеабдымнага ахопу жыцця» [6, с. 9]. Иное дело, что до уровня поэтического философствования Тютчева или Купалы и Колоса он не успел вырасти из-за неизлечимой болезни... И все же. Богданович точно так же блестяще проявил себя в пластическом, тонком описании природы; ему, как и Тютчеву, был близок и понятен язык звуков; его пейзажи в стихах столь же проникнуты мыслью, чувством, раздумьем. Не случайно его поэтические шедевры на эту тему до сих пор хрестоматийны и любимы народом. Что же касается сквозных мотивов, то у Богдановича (и в этом он особенно сближается с Тютчевым) неотъемлемыми образами являются, если внимательно

перечитывать «Венок», *вечер, наступление ночи, тишина, звёздное небо.*

Л. Г. Вот мы и подошли к непосредственному объекту обмена мнениями. Действительно, глубина, неисчерпаемость мироздания, необъяснимость Вселенной – этот космогонический пафос лирики был настолько свойственен Тютчеву, что в конце его жизни критики всё чаще стали писать о преобладании у русского мастера слова не дневного, а ночного, не отрадного, а зловещего, игнорируя подлинные творческие открытия в «поэзии ночи», её философскую глубину [5, с. 26]. Всего в поэтическом наследии Тютчева – около пяти десятков произведений, полно или фрагментарно раскрывающих устремлённость его мысли к тайнам космической жизни и человеческого «Я» в ней, но большинство подобных поэтических строк приходится на ранний период творчества:

*Уж звёзды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.*

*Река воздушная полней
Течёт меж небом и землёю...*
(1828)

*Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звёздный сонм горит...*

<...>

*Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобождённых сном,
Мир бестелесный, слышимый, но незримый
Теперь роится в хаосе ночном?...*
(1835)

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ней и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*
(1839)

*Как дымный столп светлеет в вышине! –
Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, –
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»*

(1848–1849)

С. Р. Замечено ли Вами, в каком из стихотворений ранней поры мысль Ф. Тютчева особенно устремлена в космические дали, и он полон искушения многое там изведать?

Л. Г. Пожалуй, в двух – «Последний катаклизм» и «Как океан объемлет шар земной...». Попробую обосновать это.

Название первого художественного текста (1829) звучит достаточно пессимистично, даже апокалиптически: *катаклизм* ('от греч. *kataklysmós* 'наводнение, потоп'), т. е. 'внезапный перелом, разрушительный переворот (в природе, в обществе)', да еще и *последний*... В произведении явно ощущается отсылка к всемирному потопу, память о котором сохранилась в Библии (наводнение планетарного масштаба стало, по воле Бога, наказанием людям за богоотступничество и крайнюю развращённость), интерпретировалась в преданиях, сказаниях разных народов:

*Когда пробьёт последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды...*

С позиции отдельного человека, всего созданного людьми – это финал, неминуемая смерть... Но взгляд Тютчева на ситуацию отличается масштабностью, философичностью, космичностью, пониманием бесконечности жизни Вселенной. «Успокоение после всеобщей гибели – это не покой смерти, а передышка творящих сил перед новым актом творения» [7, с. 7]: *И божий лик изобразится в них!*

В основе стихотворения – антитеза, противопоставление *вод* (безликие, они пугают глубиной, темнотой, неустойчивостью; разрушают, поглощают «*всё зримое*»; существительное *вода* употреблено во множественном числе, что подчёркивает бесконеч-

ность водной массы) и *лика* (он вызывает ассоциации со светом; с устремлённостью в горный мир; символизирует созидательность, порядок мироустройства). Контекстуальные антонимы *воды* и *лик*, резко отличаясь своей коннотацией, «переключают» пафос стихотворения – с трагического на романтический.

В работах литературоведов находим мысли о том, что означает выражение «*божий лик*». Его понимают и как христианский образ Бога [4, с. 262], и как «лик звёздного неба» (оно для Тютчева «есть вид света») [7, с. 9], и как «лик солнца, отражённый в воде, залившей всю землю» [2, с. 9]... Не вдаваясь в споры о религиозном мировоззрении Тютчева (христианин?, пантеист?, верующий язычник?), отметим, что автор создаёт образ мировой гармонии, настоящего *космоса* – в исходном значении называющего его слова: *космос* (от греч. *kosmos* ‘Вселенная’) ‘мир, мыслимый как упорядоченное единство, целое (в противоположность хаосу)’; первоначальный смысл слова – ‘порядок, гармония, построение, устройство’ (номинация *космос* употреблялась по отношению к воинскому строю и государственному устройству; применительно к миру ее первым использовал Пифагор) [3].

В стихотворении «Как океан объемлет шар земной...» идея нераздельности мировых начал представлена не имплицитно, а очевидно, явственно. Неотделимы у Ф. Тютчева друг от друга *вода* (океан объемлет шар земной, звучными волнами стихия бьёт о берег свой, уж в пристани волшебный ожил чёлн, прилив растёт и быстро нас уносит в неизмеримость тёмных волн, мы плывём) и *небесный свод* (горящий славой звёздной, таинственно глядит из глубины). А это уже – двойная бездна, дуализм которой акцентируют метафоры, уподобляющие океан и ночь, океан и небо.

И эта бесконечная бездна манит, «*нудит нас и просит*» (устар. *нудит* ‘заставляет, принуждает’). Особенно сильно притяжение ночью, когда «*земная жизнь кругом объята снами*», по которым человек плывёт в бессознательное: «*волшебный ожил челн*» и «*быстро нас уносит в неизмеримость тёмных волн*». Образ чёлна отсылает к лодке Харона (сон – своеобразная смерть, переход в иную реальность), к снам-путешествиям, к скорее иррациональному восприятию жизни:

*И мы плывём, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

Ночные видения (к слову, стихотворение было впервые опубликовано под названием «Сны») помогают человеку оторваться от земного, обыденного – и это подчеркивает высокая, традиционно-поэтическая лексика (*глас, чёлн*), эпитет *вошебный*. Во сне можно прислушаться к себе, понять происходящее, получить ответы на волнующие вопросы, открыть некоторые тайны непознаваемого до конца внутреннего и внешнего космоса...

А что у любимого Вами М. Богдановича?

С. Р. В сборнике «Венок» из 172 стихотворений – два десятка текстов, в которых поэт в основном внимает красоте ночных небес. Здесь душа его распахнута навстречу вечерней тишине (*Ціха ўсё была на небе, зямлі і на сэрцы*) и спокойствию, когда можно в стихотворных столбцах воплотить размытые в дневной суете картины, образы, детали. Богданович только подступает к осмыслению места человеческого начала в необъятной Вселенной, к таинству небесной природы:

*Упалі з грудзей пана бога,
Парваўшыся, пацеркі зор.
Яны раскаціліся ў небе,
Усыпалі сіні прастор.
І гэтак маркотна і пільна
На край наш нядольны глядзяць...
Што ж чуюць яны там, што бачаць,
Чаго ўсё дрыжаць і дрыжаць?..*

(1914)

*Зялёны, быццам лёд, халодны небасхіл,
І праз імглу яго патроху праступае
Маленькіх, мілых зор дрыжачы, срэбны пыл.
Здароў, радзімыя! Мацней, ясней гарыце
І сэрцу аб красе прыроды гаварыце!*

(1911)

В «Романсе» (а это сегодня – достояние нашей национальной музыкальной культуры) первая вечерняя звезда становится символом чистой, пусть и не разделённой любви:

*Зорка Венера ўзышла над зямлёю,
Светлыя згадкі з сабой прывяла...
Помніш, калі я спаткаўся з табою,
Зорка Венера ўзышла...*

<...>

*Буду ў далёкім краі я нудзіца,
У сэрцы любоў затаіўшы сваю;
Кожную ночку на зорку дзівіцца
Буду ў далёкім краю...*

(1912)

Можно с уверенностью утверждать, что, подобно Тютчеву, Богданович наконец проявил себя поэтом «космической мысли» – в стихотворении «Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...». Именно в этом тексте обнаруживается потенциал (ему не суждено было раскрыться) поэтического философствования о месте человеческого сознания среди неизведанных миров, о том, что человек – квант разума:

*Я хацеў бы спаткацца з Вамі
на вуліцы
У ціхую сіннюю ноч
сказаць:
«Бачыце гэтыя буйныя зоркі,
Ясныя зоркі Геркулеса?
Да іх ляціць наша сонца,
І нясецца за сонцам зямля.
Хто мы такія?
Толькі падарожныя – папутнікі сярод нябёс.
Нашто ж на зямлі
Сваркі і звадкі, боль і горыч,
Калі ўсе мы разам ляцім
Да зор?»*

(1915)

В этом поэтическом тексте у Богдановича впервые обнаруживается его не боязнь заглянуть в тему бытия на Земле, желание отыскать ответ на извечный вопрос «Что такое человек во Вселенной?». В дни написания стихотворения шла Первая мировая война – результат обострения борьбы за сферы влияния, источники сырья, господство одних держав над другими. Название произведения по первой строке выявляет желание автора вовлечь читателя – а он может встретиться и на улице – в обсуждение проблем, которыми живёт человечество.

То, что несёт с собой мировая война, обозначено у поэта однородными в контексте существительными *сваркі* ‘ссора’, *звадкі* ‘стычки’, *боль*, *горыч*. Чтобы отмежеваться от зловещего столкновения интересов в войне, где гибнут миллионы, Богданович, создавая художественный текст без ритма и рифмы, предлагает переключиться на осмысление исключительности, чрезвычайной редкости нашей жизни во Вселенной, о чём люди забывают. Отсюда – вопросительная интонация предложений, построенных просто (*Бачыце зоркі Геркулеса?*; *Хто мы такія?*), и рассудительный ответ: *Толькі падарожныя, – папутнікі сярод нябёс*. Как человек образованный, Богданович использует здесь выверенные астрономические сведения: Земля, как и вся Солнечная система, движется со скоростью 20 километров в час в направлении созвездий Геркулеса и Лиры. Руководствуясь этим знанием, поэт и делает смысловым центром текста перифразу *папутнікі сярод нябёс* (мы, люди). Данный описательный оборот и спустя 100 лет можно расценивать как актуальный тезис, как важный и сегодня подтекст или даже как клич автора: людям мира надо сосредоточиться на единении, а не на разрушении всего лучшего, предназначенного для жизни. Обратим внимание: лирическое начало стихотворения, лишённого традиционной поэтической формы, выражено скупой (ноч *ціхая*, *сіняя*; *зоркі буйныя*, *ясныя*), что необычно для романтически настроенного Богдановича, но это и понятно, ведь его занимала не поэтическая эстетика, а глубокое гражданское рассуждение о бездумности тех, кто затеял войну мирового масштаба. Отсылка к космическому началу (*Нашто ж на зямлі сваркі і звадкі, боль і горыч, / Калі ўсе мы разам лямцім / Да зор?*) позволяет отнести эту основную мысль произведения к наднациональной, общечеловеческой, до сих пор современной.

Л. Г. У Тютчева находим стихотворение «Есть много мелких, безымянных...», и, на первый взгляд, оно продолжает устремлённость поэтической мысли в космос. Но в тексте угадывается ещё один, переносный, смысл-призыв: давайте искать себя не только «среди миров, в мерцании светил» (И. Анненский), но и среди людей, которые дарят нам *свет путеводный, свет благой*. Вчитаемся в эти строки:

*Есть много мелких, безымянных
Созвездий в горней вышине.
Для наших слабых глаз, туманных,
Недосягаемы оне...*

*И как они бы не светили,
Не нам о блеске их судить,
Лишь телескопа дивной силе
Они доступны, может быть.*

*Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Их бодрый, радующий души,
Свет путеводный, свет благой
Везде, и в море и на суше,
Везде мы видим пред собой.*

*Для мира дальнего отрада,
Они – краса небес родных,
Для этих звёзд очков не надо,
И близорукий видит их.*

(1859)

*Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Как солнца пламенно живые,
Они сияют нам в ночи.*

Это произведение – одно из последних, в котором тема космоса раскрывается Тютчевым развёрнуто. Одна из причин её постепенного «угасания» кроется, на наш взгляд, в окончательном постижении

поэтом истины: природа земного и вселенского в проявлениях бесконечна, а люди – преходящи; человек и Вселенная несоизмеримы. Поэт переводит сознание в человеческую галактику, призывает спуститься с небес туда, где живём...

Но далёкий космос в его достижении, доступности по-прежнему остаётся целью человечества.

С. Р. Завершая поднятую нами тему, давайте обратимся к факту: как много у Тютчева последователей в стремлении «сканировать» мыслью космос.

Л.Г. Замечу, что у Тютчева как поэта «космической мысли» был предшественник – М. В. Ломоносов. Тема, о которой говорим, фрагментарно проявлялась потом в поэзии Ф. Сологуба, К. Бальмонта, А. Блока, М. Волошина, С. Есенина, В. Маяковского, позже – у Н. Асеева, В. Луговского, Н. Старшинова, С. Щипачёва, В. Солоухина, И. Бродского, В. Высоцкого. Но, на наш взгляд, она не достигла той глубины постижения всеединства и бесконечности мироздания, которую видим у Тютчева – она «приземлилась», как об этом написал, например, В. Солоухин:

*Мерцают созвездья в космической мгле,
Заманчиво светят и ясно,
Но люди привыкли жить на земле.
И эта привычка прекрасна.*

(1973)

Нельзя обойти эмоциональный отклик на первый полёт Гагарина в космическое пространство, которым стала песенная поэтика, а некоторые стихи поэтов-песенников – духовным атрибутом космонавтики. Эйфорическая волна от проникновения за пределы Земли, к счастью, со временем отступившая, надо признать, уводила от суждений о реальных возможностях человечества:

*Хорошо, когда с тобой товарищи,
Всю Вселенную проехать и пройти.
Звёзды встретятся з Землёю расцветающей,
И на Марсе будут яблони цвести.*

Е. Долматовский (1962)

*Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперёд, от звезды до звезды.
На пыльных тропинках далёких планет
Останутся наши следы.*

В. Войнович (1960)

Тем не менее, начавшееся в XX в. освоение внеземного пространства изменило космос как магию, предчувствие, вызов – на космос как на дело, процесс, профессию:

*А мы летим орбитами,
Путями неизбежными,
Прошит метеоритами простор.
Оправдан риск и мужество,
Космическая музыка
Вплывает в деловой наш разговор.*

А. Поперечный (1985)

С. Р. Неразгаданность всего, что над нами, в далёких мирах, после Богдановича, конечно же, занимала и белорусских мастеров поэтического слова, пускай и не достигала в отражении подлинно философских высот. Сошлюсь, например, на творчество А. Кулешова, П. Панченко, В. Короткевича, Р. Бородулина, Г. Буравкина, В. Зуёнка. В отдельных творениях, что не менее ценно, часто утверждается неотделимость человеческого бытия и рассудка от мира земного и небесного, миссия человека соединять землю и вселенский простор:

*Я – трэці свет, я кропелька малая,
Тых светаў двух – звычайны чалавек,
Што неба і зямлю ў сабе змяшчае
І ў свет адзін злучае іх навек.*

А. Кулешов (1962)

*Гляджу я ў зорны сусвет,
Як у буквар дашкольнік,
І разумею: сакрэт
Тых літар не ўзнаю ніколі...*

*Касмічнае немаўля,
Скаванае ланцугамі, –
Я твой да скону, Зямля,
І цёмны грунт пад нагамі.*

В. Зуёнок (1985)

Л. Г. Согласно, что космогонический материал в поэзии наших современников не менее важен, чем эмпирическое стихотворное всматривание в космос Тютчева или Богдановича, поскольку востребована мысль о непреходящем притяжении нас к тому, что невозможно оставить на родной земле. Удивительно проникновенно высказался об этом Р. Рождественский:

*Как безмерно оно – притяженье
Земли,
Притяженье полей и печальных ракет,
Тех дорог, по которым мы в детстве прошли,
И дорог, по которым пройти предстоит.*

*Там горы высокие,
Там степи бескрайние,
Там ветры летят, по просёлкам пыли.
Мы – дети Галактики,
Но самое главное –
Мы дети твои, дорогая Земля!..*

(1978)

Список использованной литературы:

1. Багдановіч, М. Маладзік. Лірыка / М. Багдановіч ; склад. А. Лойка. – Мінск : Беларусь, 1968. – 292 с.

2. Козырев, Б. М. Из второго письма [Электронный ресурс] / Б. М. Козырев // Письма о Тютчеве. – Режим доступа : <http://tutchev.lit-info.ru/tutchev/kritika-about/kozyrev-pisma-o-tyutcheve/iz-vtorogo-pisma.htm>. – Дата доступа : 26.08.2023.

3. Космос [Электронный ресурс] // Савченко, В. Н. Начала современного естествознания. Тезаурус / В. Н. Савченко, В. П. Смагин. – Ростов-на-Дону, 2006. – Режим доступа : <https://estestvoznanie.academic.ru/682/%D0%9A%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%BE%D1%81>. – Дата доступа : 26.08.2023.

4. Кошемчук, Т. А. «Искушение тварным» в натурфилософских стихах Тютчева / Т. А. Кошемчук // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. научных трудов. – Вып. 4. – Петрозаводск, 2005. – С. 258–275.

5. Кузина, Л. Н. О жизни и творчестве Ф. И. Тютчева / Л. Н. Кузина, К. В. Пигарев // Стихотворения. Письма / Ф. И. Тютчев. – М. : Правда, 1986. – С. 5–26.

6. Лойка, А. Лірыка Максіма Багдановіча / А. Лойка // Маладзік. Лірыка / М. Багдановіч. – Мінск : Беларусь, 1968. – С. 7–13.

7. Тархов, А. Творческий путь Тютчева / А. Тархов // Лирика / Ф. И. Тютчев. – М. : Наука, 1966. – Т. 1. – С. 3–24.

8. Тютчев, Ф. И. Лирика : в 2 т. / Ф. И. Тютчев. – М. : Наука, 1966. – Т. 1. – 303 с.